

ОСКОПЛЕНИЕ ДУХА ИЛИ КУЛЬБИТЫ ГУМАНИЗМА

Когда 24 августа 410 г. Рим пал под ударами германских племен Алариха, тогдашний изрядно одряхлевший мир испытал потрясение, превосходящее все, что когда-либо прежде выпадало на его долю. Блаженный Августин, поднявшись до уровня богословского осмысления этого события, создает тот идеологический фундамент, на котором формировалось средневековое общество. Человек в этом мире предстоит сознательному духовному выбору между мирской государственностью («Градом земным») и духовной общностью в Боге («Градом небесным»). Из понимания исторической реальности Августином и вытекало положение о самоценной личности, которая выше государства. В эпоху зрелого средневековья была окончательно и глубоко осмыслена истина, сообщенная в Откровении, что мир – творение Божие. Для св. Фомы именно в тварности величие и достоинство нашего мира, сотворенного всемогущим и всеблагим Господом. В тварности – залог самостоятельности и самоценности мира. Бог – наисовершеннейший Творец, а потому и создание его должно быть совершенно. Средневековая мысль стремилась удостовериться в истинности Божьего замысла о человеке и Божьего дела спасения. Провозглашая ориентацию на человека, она утверждала его в качестве субъекта, что проявило возможность появления феномена, который позже оформился в западноевропейскую науку.

Гуманизм времен европейского Ренессанса – это человекобожеский титанизм и секулярный индивидуализм, где магия могла свободно сосуществовать с нарождающейся позитивной наукой. Этот гуманизм, питаясь от античных и, несмотря на вражду к мировоззрению прежней увядшей эпохи, средневековых источников, сочетался с традиционным и по-прежнему ответственным отношением к образованию человека в его движении к подобию Божьему.

По сравнению со средневековой, мысль эпохи Возрождения и Нового времени распространяет человеческую надежду шире – в горизонтальной плоскости, все чаще игнорируя метафору круга: отныне человек надеется получить от Бога не только самого себя, но и, реализуя свои замыслы в динамически-экстравертном активизме, весь мир как творение. Благодаря доминированию сугубо рационального подхода, из научных исследований постепенно, но последовательно изгонялось любое понимание, основанное на духовных озарениях. Уже для И. Ньютона алхимические изыскания, комментарии к Апокалипсису и трактаты о символизме храма Соломона были, пусть и важными, но досужими занятиями. Духовные прозрения Э. Сведенборга И. Кант презрительно назовет «грезами духовидца». Восприятие вселенной в целостности ее устройства, обеспеченного Логосом, в условиях нынешних разрозненных, чрезвычайно узко специализированных научных исследований, практически выхолощено.

Точное и исчерпывающее содержание дискредитировавшего себя гуманизма эпохи модерна находим у П. Валери: «Гималаи наводят на меня тоску. Буря меня тяготит. Бесконечность меня усыпляет. Бог – это слишком...» [1, 185]. Что остается на долю гуманиста? Хороший обед, – как обронил незадолго до смерти Кант, – в хорошем обществе. Гуманизм – это дление сугубо человеческих свойств и состояний, вытягивание их из натурального корня человека. Если человек – это усилие, то гуманизм – это усилие, противодействующее метачеловеческому и метафизическому. Современный гуманизм был удачно назван А. Арто «оскоплением человека». Поскольку человек – «сущее неопределенного образа» (П. делла Мирандола), перед ним открываются две крайние возможности в осуществлении пути, эксплицирующие этот неопределенный образ: к подобию Бога или к бесподобию. «Оскопление снизу» как лишение себя нисходящего тварного вектора – трагический опыт Оригена на заре христианской эры. «Оскопление сверху» как избавление от восходящего духовного вектора – в целом комфортное положение современного человека, позволившего

себе табуировать все мыслимые запреты. Пожалуй, единственный запрет, который лелеет современный гуманизм – запрет на страдание. «...Потрясающие успехи медицинской науки сегодня налицо, но я опасаясь, что мы вскоре придем к обществу, где страдание, попросту говоря, будет запрещено законом. Концепция всеобщего благосостояния близка к тому, чтобы объявить страдание преступлением против естества...», – писал еще в 1978 г. о. А. Шмеман [2, 191-192].

Стремление к победе над страданием и смертью порождает «гуманистическую цивилизацию» равнодушия и бесчувственности, ведет к конечной победе смерти. И тут высовывает многочисленные головы трансгуманизм – предельное выражение скопческого гуманизма, в арсенале которого есть все: изощренно-рафинированный рационализм и «кибер-философия», передовые технологии для ликвидации страдания, старения и смерти, стремление к эскалации физических, интеллектуальных и психологических возможностей, возделенная цель обретения качеств «постчеловека». Отсутствует лишь подлинная человечность (и то, что Я. Буркхардт называл *Menschheit*), жертвенность и все, хоть как-то относящееся к некогда томящемуся духу. По тому, чем довольствуется трансгуманизм, если слегка перефразировать Гегеля, можно судить о величине потери духа. «Это рай на Земле, где Бог, говорят, прилег отдохнуть на седьмой день, а на восьмой Его выперли», – как выразилась героиня прошлогоднего криминального триллера О. Стоуна «*Savages*». И человека выталкивают вослед Богу, освобождая место не ведающему о рае новому Адаму – духовно стерильному существу по имени «постчеловек».

Литература

1. Валери П. Об искусстве / Поль Валери; [пер. с франц.]. – М.: Искусство, 1976. – 622 с.
2. Шмеман А. Богослужение и предание / Александр Шмеман; [пер. с англ. и франц. Ю. С. Терентьева]. – М.: Паломник, 2005. – 224 с.

Гуманізм. Трансгуманізм. Постгуманізм : матеріали доповідей та виступів Міжнародної науково-теоретичної конференції, м. Суми, 19-20 квітня 2013 р. / Ред.кол.: Є.О. Лебідь, А.Є. Лебідь. — Суми : СумДУ, 2013. — С. 54-57.